

ЗАМЕТКУ ВЕТЕРИНАРА

Евгения Хамуров

18+

Евгения Ивановна Хамуляк

Заметки ветеринара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63266691

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта удивительная история произошла с одной девушкой по имени Майя Плисецкая, действительно однофамилицей всемирно известной примы балета. Однако на этом все совпадения с балериной заканчиваются. Ведь профессия у героини была самая что ни на есть обычная – ветеринар в далеком провинциальном городишке. Если бы помимо доброго сердца, к которому стремились за помощью не только четвероногие, но и двуногие, Майя не обрела очень интересное хобби – записывать во время приема сердечные истории хозяев своих хвостатых и пернатых пациентов, которые с удовольствием делились с ней своими любовными перипетиями. Вот тут-то и начинаются настоящие приключения, где за обычной провинциальной жизнью земляков разворачиваются нешуточные страсти, достойные того, чтобы быть переложенными на бумагу, а может быть, снятыми в кино. И конечно, благодаря такому повороту событий, судьба писательницы-ветеринара Майи Плисецкой тоже меняется в самую лучшую, любовную, сторону. Предполагается 108 историй.

Евгения Хамуляк

Заметки ветеринара

Эта удивительная, местами забавная, история произошла тогда, когда я, по настоянию отца, да и по собственному искреннему желанию, отучилась на ветеринара, прислушавшись к увещанию родителя, известного в нашем городе зоолога, о том, что род человеческий катится в тартарары и скоро грядет его последний день. И если человечество со своей цивилизованной неразумностью неизбежно канет в Лету, считал он, то надо, по крайней мере, попытаться спасти братьев наших меньших. Этот довод был не главным при поступлении в институт, как вы понимаете, но папа, пришедший на экзамен поговорить с приемной комиссией, сплошь и рядом являвшейся его лучшими школьными друзьями, надолго застрял в экзаменационном кабинете, где тема апокалипсиса была дружно одобрена и поддержана. Ибо каждый ветеринар знает, что нет лучше друга, чем собака, и хуже врага, чем человек.

Однако я, хоть и была папиной дочкой, таки являлась исключением из этого правила: искренне любила как четвероногих, так и двуногих. И проработав четыре года в центральной ветеринарной клинике города, заслужила славу не только как профессионала в области спасения животных, но

и лекаря человеческих душ в виде хозяев моих четвероногих, хвостатых, крылатых и пернатых клиентов. Ко мне вскоре стали стремиться излечить не столько своих питомцев, сколько рассказать о своих чувствах, тревогах, воззрениях, а иногда и просто, словно нечаянной попутчице в мчащемся за горизонт скором поезде, поплакаться о жизни и поведать свою сокровенную историю большой любви.

Наверное, это было связано с моим именем и моей внешностью. Про имя. Мой папа большой любитель животных, также имел вторую страсть – это балет. И единственной его идеальной любовью числились Спящая красавица, Жизель, Турандот и прочие утонченные девушки в пачках, исключительно в воплощении примы большого театра Майи Плисецкой, не раз посещавшей наш уездный городок с гастролями и всегда получавшей громкие аплодисменты и шикарные букеты из зала в знак любви и признания ее поистине гениального исполнения танца. Именно в честь нее и была названа я, по странному стечению обстоятельств Майя Евгеньевна Плисецкая. Однофамилица. На этом все сходства заканчивались. Так как моя внешность и здоровье, которые я очень ценила и ценю, достались мне от моей несравненной мамочки, художественного руководителя местного дома культуры, писаной русской красавицы, сошедшей с полотен Бориса Кустодиева: дебелия, пышная, розовощекая, голубоглазая, с красивыми локонами льняных волос. Прибавьте мою тонкую талию, за которой я строго следила в угоду

современной моде, получалась настоящая «Русская Венера». Так ее и звали «за глаза» одногорожане.

Маму, кстати, не раз просили позировать и местные художники, часто посылали быть представителем города на международных соревнованиях или презентациях, даже выбирали лицом какой-нибудь рекламной кампании. С ее внешностью лучше продавались квартиры в новостройках, строительные материалы и даже земля. Каждый мечтал иметь такую соседку или главу ТСЖ. Она олицетворяла ту потерянную в хаосе цивилизации русскую красоту и душу, к которой стремился и стар и млад. Потому деятельность дома культуры кипела: театр, балет, ритмика, парные танцы, читательские посиделки, празднования всех красных дней в календаре на камерной сцене ДК.

Каждый новый губернатор и мэр первым делом шел знакомиться и заручаться поддержкой местной «Венеры». Ее улыбка, спокойствие, мудрость являлись залогом спокойной жизни, которая не могла похвастаться шиком и блеском: мы не качали нефть, не гнали водку, не строили БАМ, но купеческие замашки, бережливые устои, чистоплотные традиции поддерживали город в приличном состоянии и делали его одним из бриллиантов в туристическом маршруте необъятной нашей родины.

Вы спросите, а как же мама относилась к неразделенной любви папы к мадам Плисецкой? Моя дорогая мамуля была настолько образована и воспитана, а в свое время и по сей

день, эти два факта являлись и являются признаком высоко-го ума и широкого взгляда на мир, поэтому она могла позво-лить отцу иметь всяческие странности и даже страсти, нико-гда не выходящие за рамки его образования и большого вос-питания. За что он платил ей душещипательными знаками внимания, будто чувствуя некую вину из-за симпатии к сто-личной балерине, всегда заранее преподнося букеты цветов сначала маме, а потом сказочной любви на сцене. Мамины подруги только охали и ахали от таких высоких отношений, по-девичьи, по-доброму ей завидовали. Папа был нашим ге-роем. И именно по этой причине мне до тридцати лет не по-счастливилось встретить ни одного, кто хоть бы капельку по-ходил на родителя. И оставалось только слушать чужие ис-тории любви, полные страсти и приключений. Порой даже не верилось, что все они произошли в нашем городке.

В конце концов, мне пришла в голову идея записывать эти откровения, рассказанные во время приемов, в надежде хоть когда-нибудь познать все это в своей жизни. Как однажды мое наивное увлечение стало известно широкой публике.

Прознав, что я записываю истории любви земляков и, на-верное, пожелаю издать их в столице и обязательно заде-лаюсь настоящей писательницей-романисткой, известной на всю страну, дающей интервью направо и налево всем цен-тральным каналам, смотримым в провинции каждый вечер, как священнодействие, мое имя стало все чаще упоминать-ся то тут, то там, и вскоре настоящие потоки празднолюбцев

устремились в клинику для разговора со мною, чтоб обязательно поведать свою историю любви.

Честно говоря, такого оборота дела я не ожидала и даже подумывала прикрыть лавочку и выбросить все дневники, это хобби стало отнимать от работы слишком много времени и нервов. Визитеры заходили до и после рабочего дня, вылавливали меня в кафе и даже поджидали у подъезда дома. И при этом никак не принимали отказов, приносили подарки и даже намекали на высокие гонорары, если их история попадет на страницы моего несуществующего романа. Это стало полным сюрпризом! Как вскоре ко мне пожаловали журналисты из местной газеты, пишущие об интересных людях региона и решившие написать о моем будущем бестселлере или даже многотомнике, ведь в городе проживало не менее трех сот человек. Материала хватило бы и Толстому! И я сдалась. Не смогла отказаться от мировой славы и почета. Шутка. Просто, честно признаться, мне и самой стало жутко любопытно, что из этого выйдет. К тому же писалось легко и просто, будто я обучалась в институте помогать не рогатым и копытным, а как с интригой пройти от пролога к эпилогу. Я просто сама получала удовольствие от общения с людьми и от поведанных мне историй. Ведь их рассказывали от души, в порыве, надеясь увековечить большие свои чувства, достойные восхищения.

Таким образом, решившись стать писательницей-романисткой, при этом не бросая основную деятельность, где,

кстати, проходили основные любовные излияния земляков, я решила выработать несколько принципов, которым следовала неукоснительно, они были продиктованы моим образованием, пусть и ветеринарным, и воспитанием, навеянным балетом великой Майи Плисецкой с вытекающими отсюда последствиями. Никогда не писать о пошлости. Не опускаться до описания тех адюльтеров, что рушили семьи честных и добрых семей города. Ни в коем случае не браться за рассказ, если лично мне не нравился его рассказчик.

Так, однажды ко мне в кабинет попал бывший главный врач нашей центральной, человеческой, поликлиники Михаил Г., проработавший на своем посту более сорока лет. Он привел своего старого английского терьера, такого же грузного и страдающего сердцем, как и сам бывший главврач. Его интрижки с подчиненными медсестрами и лаборантками не смогли заразить моего воображения, к большому сожалению старого Дон Жуана, старавшегося и так и эдак заинтриговать меня многосерийным сорокалетним сюжетом, из которого, по его мнению, получилась бы не только шикарная книга, но и вышел бы целый телесериал, коими пестрили все центральные каналы. Но! Ни количество лет. Ни пикантная атмосфера больницы. Ни – брр! – имена тех самых медсестер (а теперь и отчества), после сорока лет превратившихся в злобных старух, недовольных всем и вся, не возбуждали во мне, как писательнице, ни интереса, ни даже простого человеческого любопытства. Только вид «добрых

фей», бывших любовниц главврача, как теперь выяснилось, что поджидают заразу в отвратительных больничных стенах лазарета, останавливали инфекции и бактерии размножаться и приближаться даже к его порогу. Этим, кстати, объяснялся низкий процент заражения и высокий – выздоровления среди больных. Поэтому набравшись духа, я отказала хозяину старого бульдога. Вот такой пример непоколебимой творческой воли.

Зато какие другие истории обрушивались на мою русую голову?! В конце концов, это хобби и вовсе переросло в настоящее призвание, от чего мне ненадолго пришлось оставить работу и родной город... Но об этом чуть позже.

Итак, друзья, хочу познакомить вас с жителями нашего простого, как говорят в столице с легким презрением, провинциального городка, где живут обычные люди, любившие отчаянно и самоотверженно, готовые идти на риск и приключения ради того, чтобы стать счастливыми в это не простое время, где на каждом шагу поджидают ловушки. Кто-то поведал мне историю своей любви, но решил остаться инкогнито, кто-то намеренно просил указать фамилию, часть историй рассказаны от первого лица, часть от третьего. Но то, что вы прочтете, является истинной правдой, может, лишь слегка приукрашенной моим воображением, возвращённым на большой любви Спящей Красавицы, Турандот и других принцесс в пачках к своим принцам.

«История номер 2. Надеждыны пиявки»

Поверьте мне на слово, профессия ветеринара очень странная, постраннее, чем быть балериной. Наверное, это связано с тем, что животные, млекопитающие и всякие разные хвостатые и рогатые не умеют говорить, поэтому несут в общении с собой много сюрпризов, их порой любят даже больше, чем людей, именно по причине того, что они немые.

Поэтому каждый день работы с четвероногими дарит не меньше впечатлений, чем походы в театры двуногих. Такого можно насмотреться только в ветеринарной клинике, именно по этой причине я хожу на работу, как на праздник.

Так однажды ко мне в кабинет вошла молодая женщина примерно моего возраста и примерно моего телосложения, и было заметно, что моих привычек и нравов. Это был врач по имени Надежда. Высокая и плотная, красивая и ухоженная, улыбчивая и строгая. Ей только белого халата не хватало для завершения образа врача. Почему-то я сразу поняла, что мы с ней подружимся. Захотелось взять ее за белые руки с французским маникюром, так красиво выписывающим рецепты, наверное, и так вкусно пахнущим хорошим душистым кремом, и по-подружечьи расспросить, зачем пришла, что случилось, чем можно помочь. Но в этих замечательных руках с французским маникюром я не обнаружила ни одного млекопитающего и даже пресмыкающегося, который как-то связал бы визит человеческого врача ко мне, ветеринару.

– Я вот по какому вопросу, – начала она, слегка краснея. – В общем, вижу, вы девушка адекватная, поймете меня... Может, не сразу... – Она еще больше покраснела.

Я сама стала краснеть, чувствуя, что могу и не понять...

– Одним словом, мне сорок. Я терапевт. Врач высшей категории. – Она облизала красивые розовые губки на круглом лице и потупила глаза. – Но я одна. Не то чтобы совсем. Не могу пожаловаться на отсутствие кавалеров, но они либо все женаты, либо... Одним словом, мне не везет... – Сумбурный рассказ мною усвоился сразу. Примерно так бы я описала и свою историю взаимоотношений с мужчинами. – Ну так вот. Я пошла к психологу. Мы долго разговаривали, и для меня кое-что стало открытием. Дело в том, что по работе я забочусь о многих, но в жизни у меня нет предмета заботы. И, возможно, такие важные для каждой женщины чувства просто атрофировались. Поэтому я воспринимаю мужчин, детей, как... короче, как-то неправильно воспринимаю. И психолог посоветовала начать с маленькой тренировки, например, для начала завести котеночка или собачку...

Я кивнула. Звучало логично.

– Звучит логично, – будто услышав мои мысли, проговорила симпатичная врач-терапевт, – но дело в том, что, во-первых, – и она скривила розовые губки, – я не люблю котят... и к тому же у меня на них аллергия. И на собачек, и на обезьянок, и попугаев, на всех с шерстью и перьями. Но... – она округлила глаза, готовая вот-вот расплакаться. – Я по-

нимаю важность того, что хотела донести до меня психолог. Я должна кого-то начать любить и впускать в свою жизнь. И я согласна впускать... но кого-то без шерсти! Вот я и пришла узнать, кто имеется еще в наличии в животном мире...

Тут она решительно подняла руки вверх и побледнела.

– Только не мыши и не змеи! и не пауки! С этими ребятами у меня совсем плохо – фобия. Рыбки, – она тут же добавила, опуская руки, – как бы тоже не подходят, потому что мне нужен телесный контакт, чтоб проявлять ласку.

Задача стояла не из легких.

– Надежда, у меня есть два варианта для вас, – начала я, подготавливая клиентку, – это пиявки... – и почти зажмурилась, ожидая визга или кидания тувель в обратку.

На удивление, ничего такого не произошло. Надежда сидела, всерьез задумавшись над предложением, глядя в потолок. Второго варианта не потребовалось.

– Мне, кстати, совсем недавно предлагали пройти курсы гирудотерапии, метод дает неплохие результаты и, что немаловажно, финансовые результаты для доктора тоже. Народ больше не верит прививкам и антибиотикам, и я, кстати, тоже... Ну что ж! Пиявки – так пиявки! – Она привстала и радостно стала жать мою руку. – Тогда ждите нас с пиявками в скором времени!..

– Вам не нужно с ними никуда ходить. Они очень просты

в применении и содержании, все есть в интернете, – завершила я ее и увидела грустную гримасу. – Но вы все равно приходите просто показаться, я оценю, э, размер и самочувствие питомцев.

Надежда просияла.

И ровно через неделю зашла ко мне с баночкой, заботливо накрытой марлечкой, с пятью экземплярами внутри. Именными.

– Лена, Вовка, Гена, Саня и Вася, – представила Надежда своих домочадцев, и мы вместе прыснули от смеха. Но я понимала: шутки шутками, а ей важны эти скользкие твари. Важно иметь кого-то живого рядом. Пусть хладнокровного жуткого кровопийцу.

– Я решила пойти на свидание, – сказала она мне, будто я ее подруга. Я радостно кивнула в ответ, понимая, что, видимо, ей некому рассказать об этих деталях жизни. Там, в человеческой клинике, где Надежда должна была «иметь лицо» и «стержень» идеального, здорового, адекватного, преуспевающего человека, даже поход к психологу мог бы рассматриваться как профессиональная непригодность. А уж пиявки вместо животных?! Или посещение клубов знакомств или сидение на сайтах знакомств и переписка и флирт с мужчинами? Это приравнялось к полной потере разума, а значит, диплома врача высшей категории.

Откуда я знала? Я находилась примерно в том же положении. Поэтому я с большой теплотой в голосе сказала:

– Я уверена, что ты правильно все делаешь.

За эти слова и за «ты» Надя обняла меня и расплакалась на плече, тихо, чтоб не было слышно в коридоре.

Мы перешли на «ты» и стали созваниваться и переписываться. И случилось чудо, как-то пару недель спустя Надя написала, что то самое свидание пошло дальше, что он оказался очень интересным собеседником и у них много общего. Я была счастлива за нее и за это маленькое психологическое чудо с пиявками. Даже хотела спрашивать телефон того мегапсихолога, который дает такие ценные советы.

Как однажды Надя ворвалась ко мне в кабинет в слезах и с совершенно разбитым видом, держа в руках все ту же баночку, на которой больше не было марли.

– Он сбежал... – просто сказала она и рухнула в кресло.

– Парень сбежал? – ошалело спросила я, впервые увидев терапевта в таком состоянии. Надино сознание долго крутилось в дебрях последних мыслекувырканий, в конце концов, осознанный взгляд остановился на мне, припоминая заданный вопрос.

– Ты имеешь в виду Алекса? Да, он тоже сбежал, сказал, что не потянет меня ни финансово, ни морально, ни в постели. Я слишком красива, шикарна, обеспечена и... и могу несколько часов заниматься сексом, а он не может, и когда-нибудь я найду себе молоденького, богатенького жеребца, который, конечно же, уведет меня от него, старого козла.

Это была цитата.

Я лишь ошалело хлопала ресницами, поглядывая на новую подругу. Она подняла заплаканные глаза и объяснила:

– Я и в самом деле могу несколько часов заниматься любовью, мне нравится секс с любимым мужчиной. Но я не нимфоманка, у меня нет потребности бегать за кем-то с матрасцем. Собственно, у меня не было секса последние два года – и ничего, жива-здоровая. Но Алекса было не переубедить. Он просто сбежал, а этот бред мне записал в аудио в оправдании. Но, Майечка... я не по этому поводу, – и она опять побледнела, а нижняя губа надулась, готовая вот-вот выпустить вопль отчаяния. – Вася сбежал.

– Какой Вася? – с тревогой спросила я и проследила за ее упавшим в банку взглядом, где сидело только четыре пиявки.

– Все шло хорошо, – она готова была зарыдать, голос предательски дрожал, – я даже поставила пару пиявок маме на поясницу, Вася у меня в этом вопросе вообще звезда, сосет как пылесос. Короче, маме полегчало, потом Вася вылечил тетю Надю, далее Георгию-соседу от Васиных присосок стало лучше. Я так гордилась своими детками, сахарок поддавала, водичку меняла, строила планы. Ведь приятно, когда есть польза. А тут прихожу с работы, а Васи нет! – Она как ребенок, потерявший самую дорогую игрушку, посмотрела на меня, будто только я могла отыскать ее. – Он прогрыз марлечку и сбежал.

Я положила ей руки на плечи, желая успокоить и расспросить поподробнее, но она опередила меня своими скорыми объяснениями.

– Я обыскала весь дом. Весь! С пола до потолка. Его нет! – был приговор.

Я задумалась. Действительно странная история. Но с пиявками и их исчезновением, честно говоря, я ни разу не стала кивалась и не знала, как быть. Куда могла деться эта тварюга, укравшая сердце моей подруги?

– Надь, давай так... Я верю, что ты его искала и не нашла, ты поищешь еще и если хочешь, – я посмотрела на часы, по идее рабочий день подходил к концу, это был последний приемный час и в записи никто не значился. – Я могу поехать с тобой, и мы еще раз поищем Васю. Но... что я хочу сказать, – я собралась с духом, пытаюсь говорить честно. – Эксперимент с животными удался. Это надо признать. Ты их полюбила. И, возможно, умный Вася потерялся только для того, чтобы показать тебе, что пора идти дальше и менять нечто более существенное в своей жизни. Мы недолго знакомы, но я знаю, что ты очень-очень хочешь иметь семью и детей, и может быть, пора...

– Солнце, я не могу иметь детей... По медицинским показателям, – безэмоционально, давно смирившись с диагнозом, сказала подруга.

– Надь, тот, кто хочет иметь детей – их имеет, – так же

просто высказала я ей другую истину.

Она слегка наклонила голову на бок и очень серьезно посмотрела на меня. Потом покачала головой, будто соглашаясь, встала и пошла к выходу.

– Я тебе позвоню попозже. Со мною все в порядке, не беспокойся. Мне просто надо подумать, – и вышла с банкой, в которой сидело четверо.

Я позвонила сама на следующий день и, к удивлению, услышала весьма бодрый голос Нади, оповестивший о том, что она взяла давно полагающийся ей отпуск и решила начать собирать документы на усыновление. Эта затея несколько лет висела в воздухе, но Надя надеялась на удачу, психологов, провидение, на то, что счастливая комета из космоса свалится прямо на нее, а вместе с ней любимый муж и дети... Но раз с неба вот уже почти сорок лет ничего не падает, и даже Вася с Алексом сбежали от обеспеченного, здорового, красивого, сексапильного врача-терапевта высшей категории, способного полюбить такую мерзость, как пиявка, то что говорить о ребенке, которого давно пора было завести. Малыша молодой одинокой женщине никто не даст, сразу сказали в опеке, да Надя и не хотела новорожденного, а вот пяти-шести лет... мальчика. Именно то, что подсказывало ей сердце.

И начались сборы, которые продолжались долго. Хотя

сложность дела состояла не только в том, что усыновить ребенка в нашей запутанной на законы и правила стране, но и в профессии будущей матери, врачу-терапевту высшей категории, который словно рентгеновский луч видел фото с ребенком насквозь, тут же проставляя диагноз и прогнозы.

Надя, как взрослый и трезво мыслящий человек, понимала, что не в силах взять на попечение ребенка-инвалида или с очень сильными отклонениями, для этого у нее не было ни сил, ни возможностей. И съездив два или три раза на знакомства с такими детьми, девушка стала отчаиваться исполнить свою мечту. Так шли дни и недели.

Как раз наступил волшебный снежный декабрь и совсем не долгожданное Надино сорокалетие, омраченное к тому же глупой традицией бояться этого юбилея и не исполнившейся мечтой, которая вот уже три месяца занимала все мысли моей новой подруги.

Я не могла оставаться в стороне от этой грусти-печали, мне очень хотелось помочь Наде и тому мальчику, который, я была уверена, ждал свою самую лучшую маму на свете, где бы ни находился в этот момент. Но чем могла помочь я, ветеринар не высшей категории, в этом вопросе выбора судьбы, куда только могут вмешиваться боги?

А все-таки кое-что сделать я могла...

И закончив пораньше, я направилась в самый крупный зоологический магазин нашего городка, чтоб купить Наде подарок. Ведь когда-то у меня было два варианта питомцев для нее. Пиявки и... гигантские улитки ахатины, очень модные в нынешнем веке, сумасшедшем на оригинальности. У них не было шерсти, их можно было потрогать, они не убежали и не растворялись в пространстве, потому что были гигантскими, и у них тоже имелась польза – говорили, что их слюни настолько целительны, что используются в косметологии, способны исцелять кожу и омолаживать ее.

И с красивой коробкой в руках, где хранился небольшой аквариум с ахатиной, я незваной, как и положено настоящим друзьям, пришла на сорокалетие к Наде в гости, что называется, упасть, как снег на голову, ничего не подозревающему юбиляру. И отпраздновать так, чтоб это не считалось празднованием, как бы ненароком не тронуть страшного проклятья.

Надя очень обрадовалась мне, а увидев огромную улитку, слава богу, не свалилась в обморок, а от счастья даже пустила слезу. Опять назвав беспозвоночное Васей – в честь потерянного пиявочного друга.

Как еще помочь найти подруге среди миллионов беспризорных душ в нашей богатой на души стране, я не знала, лишь надеялась, что раз получилось в первый раз с малявочным Васей привлечь хотя бы Алекса, то уж Вася Второй дол-

жен был удвоить или даже учетверить удачу, согласно размерам. Это была женская логика.

И я не поверила глазам, когда однажды услышала звонок оповещения прибывшей от Нади смс, где вместо текста обнаружила фото милого, лопоухого, очень смешного мальчугана, смотрящего как-то жалобно и печально, хотя на лице и была улыбочка.

«Его зовут Вася», – пришло вдогонку.

Мне пришлось сесть. Уверена, что и Надя сидела от таких совпадений, запавших ей в душу.

«Вылетаю завтра. Он живет в детдоме в Уренгое».

Я пожелала удачи.

А уже через три недели мы гуляли с Васей Большим (мальчиком) и с Васей Вторым (улиткой) по торговому центру, когда Надя, счастливая, обнимала маленького своего сынишку, понуро рассказывая о его неутешительных диагнозах.

– И тем не менее ты его взяла. Он тебе понравился. Это судьба, – поддерживала я выбор и решительность новоиспеченной мамыши.

– Это точно! Я поехала на него смотреть, но сразу по фото поняла, что это мое. – Надя отпустила Васю Большого на детскую площадку играть с другими детишками, где чувствовалась разница в росте и здоровьице. Ему было шесть, но на вид все четыре года, маленький, шупленький, тихонький,

стеснительный, с тонкими ручками и ножками, с этой милой, но грустной улыбкой клоуна на бледненьком еще пока личике, он не мог не вызывать любовь и нежность. Когда Надя брала его на руки, он казался еще меньше на фоне ее большого, красивого, женского тела, спешащего убаюкать, успокоить, накормить, приласкать.

Зато помимо хилого здоровья у Васи наблюдался весьма любознательный характер, он картавил и шепелявил, проглатывал пол-алфавита, но не унимался задавать «новой маме» вопросы по тому или иному поводу. А чуть осмелев, после недели терапевтического ухода и высшего разряда питания, количество вопросов выросло в геометрической прогрессии. Это было хорошим признаком, здоровье можно было поправить. Особенно с врачом высшей категории вместо матери. А вот желание жить, которое у детей проявляется в любознательности, легкости общения, не смотря на стеснительность, это было врожденно и бесценно.

– Только у меня возникли сложности, – удрученно продолжала рассказывать Надя. – Представляешь, пока я собирала эти дурацкие справки о том да о сем, просрочилась справка о несудимости. Я кое-как уговорила заведующую поверить мне на слово, что справка будет в течение недели. Прилетаем сюда, обращаюсь к участковому, моему пациенту, который вошел в наше положение и готов был помочь, – Надя кивнула на сынишку, – да оказалось, что именно эта справка делается только через Москву, и только месяц, и

должна иметь только такие-то печать и подпись и никакие другие... – Она горестно поджала губы. – У тебя есть знакомый начальник МВД, а лучше президент России?

Я задумалась.

– Начальника МВД нет, но есть главный прокурор.

И тут же набрала номер одной своей очень давней и проверенной клиентки Татьяны Викторовны Чародей, главного прокурора региона и владелицы шикарного сенбернара по имени Лося. Вообще-то я никогда не пользовалась связями, хотя круг клиентов был обширным, но тут такой случай – я надеялась на доброе сердце прокурора, которое безусловно таким было. И оно таким оказалось.

– Тут такое интимное дело, Татьяна Викторовна, одному детдомовскому мальчику очень нужна одна справка, чтоб остаться с мамой...

– Милочка, у меня есть сорок четыре минуты, – неспешно проговорила прокурорша, – приезжай, – просто сказало прокурорское сердце.

Мы рванули, как угорелые, хотя за сорок четыре минуты можно было сорок раз объехать наш городок.

Татьяна Викторовна встретила нас в своем кабинете в своем фирменном с погонами костюме. Она внимательно посмотрела сначала на Васю, потом на улитку, сидевшую на руке мальчика, потом на маму и обратилась ко мне:

– Справка о несудимости?

– Да, – ответила Надя.

Татьяна Викторовна обратилась к телефону:

– Але, Данил Валерьевич, тут такое дело. Может, зайдешь на минуточку? Мы ж с тобой соседи.

На глазах разворачивался коррупционный заговор по спасению Васи Большого.

Через пять минут в кабинет к главному прокурору зашел большой человек в погонах и фуражке, тут же сняв головной убор при виде женщин. Опытным взглядом он осмотрел нас, как свидетелей, ища потерпевших, но не найдя таковых, кроме странности в виде животного на руке мальчика, немым взором обратился к Татьяне Викторовне. Она – кивком к врачу высшей категории и по совместительству матери. Надя, тяжело вздохнув, направилась на abordаж. Большая, как парусная яхта, она надвигалась на гигантский синий морской фрегат. Взяла его за руку и слегка отвела в сторону, чтоб не слышал малыш, а потом со всей комсомольской ответственностью, в подробностях, не опускаясь до женских слез, стала объяснять ситуацию.

Это было красиво! Татьяна Викторовна от красоты вербальных и невербальных языков общения Нади с начальником МВД области, между прочим, генерала, сделала два ша-

га назад, ибо в этом круговороте страстей, которые разворачивались прямо у нас на глазах, где Надя проявила всю свою недюжинную ораторскую харизму, втиснутую в белую красивую блузку, обнажающую роскошное декольте с тонкой ниткой жемчуга на шее настолько, чтобы быть приятно понятой, размахивала руками, расставляла пальцы веером, загибала мизинцы и даже дотрагивалась до плеча высокопоставленного чиновника, чтобы объяснить свое безвыходное положение, в которое должны были войти органы, в лице Даниила Валерьевича Тихомирова.

Если отключить звук, можно было подумать, что они с начальником МВД вот-вот сойдутся в танго и сомкнутся губами в страстном поцелуе. И он, большой как фрегат, в этой форме, которая, конечно же, шла любому бравому вояке, даже стал крениться вперед, к ней, к яхте, при этом не произнося ни слова. Лишь внимательно блуждал по Наде зоркими генеральскими окулярами.

Она была бесподобна в своем красноречии. В этот момент мне вспомнились врачи прошлого, когда еще не существовало антибиотиков, прививок, всяких обезболивающих, и лекарям приходилось своей душой и верой, большим сердобольным сердцем поднимать пациентов с кровати.

Они очень подходили друг другу. Это бросалось в глаза. Ее, такую роскошную и спелую, мог носить на руках толь-

ко такой могучий и зрелый мужчина, прошедший и огонь, и воду.

– Пожалуйста, – произнесла она тем женским напевом, от которого древние волосатые гомосапиенсы бросали пожитки и со всей скоростью бежали спасать самок племени, за которым стояло будущее их рода.

Он протянул ей свой мобильный телефон и басом, коим и должен обладать начальник МВД, произнес:

– Ваш телефон запишите, пожалуйста.

Надя красивыми пальцами с французским маникюром быстро набрала клавиши на телефоне начальника: «Справка о несудимости».

– Имя напишите, – добавил он, следя за французским маникюром.

Справка была готова в тот же вечер. И Данил Валерьевич решил занести ее лично.

Надя бросилась к нему на шею и поцеловала его в шею, потом долго просила прощения за такие фамильярности и в качестве знака прощения пригласила остаться на чай с тирамису, который готовила бесподобно.

Данил Валерьевич, который развелся год назад и жил и ел бобылем, что бог подаст в местных злачных местах и когда подаст (в основном между, судами и совещаниями), имел уже вторую стадию гастрита и страшную тоску по домашней

пище. Он согласился на прощительный тирамису, хотя не обиделся на поцелуи в шею.

Завидев такой аппетит, Надя, не спрашивая, налила генералу еще и борщ, а потом наложила огромную тарелку своего фирменного «макароны по-флотски», отметив про себя, что в следующий раз надо приготовить нечто диетическое. Цвет лица, лишние килограммы гостя говорили о том, что высокопоставленному лицу надо бы подумать о здоровье, которое хоть и являлось богатырским, но могло дать трещину в самом тонком месте, например тонком кишечнике.

Вася носил спасителю вилки и ножи, чем заслужил подарок – значок органов МВД.

– Когда вырастишь, пойдешь работать в полицию? – спросил генерал на прощанье.

– Хатю, – ответил Вася.

Генерал похвалил малыша и пришел на следующий день с игрушечным самосвалом размером с самого Васю. Мальчик обнял генерала до того, чего доставал, за гигантскую ногу, и следующие полчаса они так сидели в гостиной, пока Надя накрывала на стол диетический правильный ужин.

Данил Валерьевич стал приходить почти каждый день, пока Вася наконец не назвал его папой, а это случилось через неделю, за которую Лена, Вовка, Гена, Саня вылечили генералу грыжу, заработанную стрессом на сложной работе. А Надя почти каждый день получала шикарные цветы, уже

не зная, куда расставлять их по двухкомнатной квартирке, но при этом не жаловалась и готова была терпеть цветочное транжирство до конца жизни.

– Знаешь, – она стала хихикать, как девчонка, прикрыв пристыженное лицо красивым французским маникюром. – Вот кому грех, а кому смех – Даня тоже может шесть часов заниматься сексом... И совсем не переживает, что когда-нибудь не сможет. Говорит, знает главный секрет крепких отношений, что, мол, бабы не за это любят, – она округлила красивые глаза, – а за спокойствие, что дарит мужик.

Я еле сдерживала слезы счастья за свою дорогую подругу. Мы крепко обнялись.

– Я тебе так благодарна, Майка! – сердечно сказала Надя. – Правда! Это ты устроила мое счастье.

Мне было, конечно, приятно, что беспозвоночный подарок на сорокалетие совершил такие чудеса, хотя я и понимала, что за этим стояло другое.

– Ты просто была этого достойна, и тебе не хватало совсем чуть-чуть, чтобы все это проявилось в жизни. Начать действовать. Улитка с пиявкой прогрызли марлю в твоём одиночестве.

Мы стали хихикать, потом смеяться, а потом из наших глаз брызнули слезы и началась обычная женская истерика.

Я взяла телефон того психолога, что советует такие советы.

Конец. О! Нет, это был не конец!

«История 5. Тетя Люба, дядя Толя и Чебурашка»

Тетя Люба и дядя Толя, их четыре сына, как и кавказец каких-то гигантских размеров по имени Чебурашка, являлись практически членами моей родительской семьи. Мы стали соседями тогда, когда переехали в частный сектор нашей губернии, в старый дом бабушки, доставшийся папе по наследству. Поэтому я знала эту семью так хорошо, как родную, и однажды, что, наверное, естественно, все четверо братьев Люберецких по очереди пожелали стать моими женихами. Но, к счастью или несчастью, ни один из этих бравых парней, очень даже симпатичных и удалых, не тронул моего девичья сердца. От «счастья» стать Люберецкой Майей меня, похоже, спас переезд, когда отцу, почти последнему из счастличиков накануне развала Союза, досталась квартира в центре города, куда мы благополучно переехали и начали новую жизнь, хотя я часто заходила попить кофейку к тете Любе, которая мастерски умела разговорить, снять хандру, а заодно и погадать на светлое будущее. А оно по кофейным подтекам на чашке всегда выпадало мне светлым. Ну а когда в жизни Люберецких появился Чебурашка, гигантских раз-

меров кавказец, который занимал большую часть сада, если выходил в сад, и большую часть дома, если заходил в дом, то, конечно, меня выбрали в личные ветеринары семьи, раз уж я артачилась стать ее членом. Их невозможно было не любить, причем всех вместе взятых, включая Чебурашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.